

Литературное приложение к „Торгово-промышленной газете“, СПб., 1900, 23 апреля № 17 (прил. к № 91)

№ 1014

с. 3.

К р и т и к а.

„Въ оврагъ“ А. П. Чехова.—„Трусъ“ К. К. Случевского.—„Бритва“ А. Н. Будищева.—„Когда мы воскреснемъ изъ мертвыхъ“ Ибсена.

Мы очень запоздали съ отзывомъ о рассказахъ А. П. Чехова: „Въ оврагъ“ („Жизнь“, Январь),—лучшемъ въ этомъ году произведеніи русской беллетристики, если только самъ же Чеховъ не напишетъ еще чего-нибудь лучшаго. Но на рассказы Чехова нельзя смотрѣть, какъ на обычное журнальное произведение, о которомъ возможенъ только своевременный отзывъ. Чеховъ нѣтъ не примыкаетъ къ обычнымъ писателямъ для журналовъ. Въ противоположность многимъ и многимъ скорописцамъ и многописцамъ нашей литературы, онъ пишетъ медленно, отдѣлываетъ свои рассказы съ забытой у насъ любовной тщательностью. И въ то время, какъ рассказы иныхъ беллетристовъ хороши только преподносимые журналами „съ пылу горячихъ“, каждый новый день все болѣе сгущаетъ вокругъ новаго произведенія великаго таланта атмосферу любви и восхищенія читателей. Мы переживаемъ нынѣ поздній вечеръ нашей художественной литературы, и Чеховъ—ея вечерняя звѣзда; кругомъ все темно, и пусто; одна она блеститъ роднымъ, сладкимъ, тревожнымъ лучомъ...

„Въ оврагъ“ скрывается небольшое фабричное село Уклево. Деревня Чехова—мрачная, большая деревня, извѣстная уже читателю по чеховскимъ „мужикамъ“. Въ Уклеевѣ—передъ нами семья мужика, ненавидящаго мужиковъ, разбогатѣвшаго мѣщанина, лавочника и потаеннаго кабатчика, ростовщика и кулака, Григорія Цыбукина. Одиный сыночекъ Григорія „пошелъ по ученой части“, иными словами, служить въ

городѣ при полицейскомъ сыскомъ отдѣленіи; другой сынъ, глухой и придурковатый, остался въ семьѣ, и его женѣ Аксиинѣ, красивой бабѣ съ змѣиными глазами и наивной улыбкой, принадлежитъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ повѣсти. Вместе со старикомъ она управляется по лавкѣ, обманываетъ и обвѣшиваетъ, слѣдитъ и поспѣваетъ повсюду. Это злой геній семьи, тогда какъ невидная, хотя и мягко умиротворяющая, роль ея добраго генія досталось второй женѣ старика Григорія, любительницѣ цвѣтныхъ лампадокъ и обильныхъ милостынь, пуховиковъ и варенья. Ея формальное благочестіе и спокойная благотворительность какъ то умѣютъ сливаться и уживаться съ тѣмъ обманомъ и ложью, которыя продолжаютъ практиковаться въ широкихъ раздѣлахъ внизу, въ лавкѣ. И вотъ въ среду этой темной барышнической семьи входитъ новый членъ,—жена старшаго сына, Анисима, простая, почти еще ребенокъ, поденщица близняго пригорода. Анисимъ женится только „для порядка“, по волѣ родителей, и черезъ четыре дня послѣ свадьбы оставляетъ жену безъ всякаго сожалѣнія, безъ малѣйшаго проблеска чувства. Вскорѣ этотъ пошедшій „по ученой части“ ловкій сыночекъ оказывается замѣшаннымъ въ производствѣ и сбытѣ фальшивой монеты, и его ссылаютъ въ Сибирь. Къ этому времени у жены Анисима—полуробенка Липы оказывается уже сыночекъ, къ которому она привязывается всѣмъ нѣжнымъ и большимъ чувствомъ почти не знавшей любви мужа женщины: и вотъ когда въ старшей снохѣ, Аксиинѣ, вспыхиваетъ „во всю“ давно игравшая въ ней коммерческая жилка. Она узнаетъ отъ „добрыхъ“ людей, которыхъ всюду такъ много, что, жалѣя внука, старикъ Григорій написалъ ему часть своей земли. Это производитъ въ алчной бабѣ настоящій взрывъ ярости. Она схватывается во время стирки ковшъ съ кипяткомъ и обдаётъ имъ мальчика, а когда онъ къ вечеру умираетъ, гонять изъ дому его „каторжанку“ мать. Это только начало богатства

Виртуал-сатой статьи хранится в Б-мъ Чехова (БМЧ).
(была в Б-мъ Чехова;)

власти и славы энергичной бабы. Через три года мы находим ее в полном довольстве и покое, со спокойной совестью вертящей всякий домочет, и соседями, и самим стариком, немного „свихнувшимся“ послѣ случая съ сыномъ, которымъ онъ такъ гордился. Въ послѣдней сценѣ разказа Липа, вернувшись изъ недолгаго богатства въ простую жизнь иудейницы, встрѣчаетъ на дорогѣ старика Григорія, жалкаго, полуголоднаго, почти изгнаннаго изъ „собственного“ дома властью сироты; добрая душа суетъ ему подаиіе, и, разинувшись съ нимъ, она и пать ея „пошли дальше и долго потонъ крестились“—заключительныя слова чудеснаго разказа.

Все это, однако, только внѣшній остоуъ новаго произведенія А. П. Чехова. Онъ дорогъ понимающему его читателю тѣмъ именно, что онъ всегда умѣетъ оживить этотъ остоуъ дыханіемъ жизни. Чеховъ обнажаетъ передъ нами не только то, что есть, но и то, что могло бы быть, и ахъ, какой онъ мастеръ истонить и истерзать читателя легкими и быстрыми намеками на новую жизнь, на возможное, но, увы!—такъ поеда далекое отъ насъ, свѣтлое и чистое счастье. Какъ умѣетъ онъ и любить въ-сколькихъ нѣжныхъ и грустныхъ штрихами вызвать передъ нами призракъ этого недостижнаго счастья, послѣ котораго стѣсненнаго кругомъ стѣна темноты кажется еще ужаснѣе, еще мрачнѣе и безвыходнѣе... Вотъ ночь объясняетъ бѣдное и грѣшное Уклеено, угованившееся наконецъ послѣ дня темной, пыльной, безобразной жизни; тогда во дворѣ у Хриновыхъ младшихъ (нѣстныхъ заводчиковъ) „играли на дорогой гармоникѣ, и, если была луна, то отъ звуковъ этихъ становилось на душѣ тревожно и радостно, и Уклеено уже не казалось явой“... Или—Липа съ матерью возвращаются въ Уклеено отъ обѣдин; съ ними идетъ старый плотникъ Елизаровъ, по прозванію Костыль (прекестная эпизодическая фигурка деревенскаго резонера и философа); они садятся отдыхать, не спускаясь еще въ оврагъ, и Елизаровъ рассказываетъ имъ, какъ накричалъ на него недавно купецъ за лишнюю трату теса, и какъ, накричавши, оправдывался тѣмъ, что онъ „старше его“; а онъ, Елизаровъ, подумалъ, что вѣдь и св. Іосифъ былъ плотникъ,—стало, кто же старше: купецъ первой гильдіи или плотникъ?

„Кто трудится, кто терпитъ, тотъ и старше“,—толковалъ старикъ женщинамъ. И сидѣла надъ „оврагомъ“, глядя вѣсьма сверху въ молодую бѣлизну его туланы, этихъ кроткихъ,

нѣжно испуганныхъ душамъ хотъ разъ казалось, что „въ этомъ громадномъ, таинственномъ мірѣ, въ числѣ безконечнаго ряда жизней и онъ сила, и онъ старше кого-то; нѣтъ было хорошо сидѣть здѣсь наверху, онъ счастливо улыбалась и забыли о томъ, что возвращаться внизъ все-таки надо“...

Это грустно, но это и чудно хорошо, и совѣтъ по русски. Ибо одной блистающей и переливающейся красками внѣшностью жизни русскій человѣкъ никогда не удовлетворится. Жизнь безъ тайны всегда покажется ему похожей на сосудъ безъ пробки, изъ котораго безслѣдно испарилось все его содержаніе. И совершенно русское непотѣданіе жизни сообщаетъ Липѣ встрѣтившейся ей ночью въ стѣнѣ много-странствовавшій, и многоопытный, почти русскій Одиссей, старикъ, когда измученная, почти вѣѣ себя, бредетъ она въ темнотѣ домой, веза съ собою маленькій трупикъ намутившагося за день ребенка. Она допытывается, зачѣмъ это мучатся передъ смертью маленькіе, безгрѣшныя?—„Всего знать нельзя, зачѣмъ да какъ“,—сказалъ старикъ.—Птицѣ положено не четыре крыла, а два, потому что и на двухъ летѣть способно; такъ и человѣку положено знать не все, а только половину или четверть. Сколько надо ему знать, чтобъ прожить, столько и знать“...

Громадное дарованіе А. П. Чехова растетъ и ширится съ каждымъ новымъ произведеніемъ. Все глубже захватываетъ онъ русскую жизнь, все сосредоточеннѣе и внимательнѣе ее изображаетъ. Это именно крылья, поднимающія его все выше надъ скучными „мелочами жизни, и онъ озираетъ ее со своей вышней грустности. пропитательности, всеобнимающей изгладомъ“. А старая наша критика и до сего времени не умѣетъ вполне отрѣшиться отъ налюбленнаго шаблона, отъ стараго аршина, которымъ привыкла мѣрять высокаго художника, какъ автора маленькихъ наблюденій, мелкихъ, эпизодическихъ картинокъ, чуть-и-ментальныхъ снѣговъ съ бѣгущей передъ нимъ жизни... Вѣднмъ, „маленькій“ Чеховъ!... Вѣднмъ, стократъ бѣднѣйшая, своей медальювидностью, своей партизанностью критика!...

Чеховъ стоитъ въ пѣни нашей современной художественной литературы, недогасимый, не достигнутый даже отдаленно нѣтъмъ болѣе. Когда отъ его разказовъ переходить къ произведеніямъ другихъ „беллетристовъ“, требуется сильно-увеличительное стекло, споконное и въ туманныхъ вѣднмъ, показать глазу при-

суднмъ Липы, кося и мисень-
кихъ, но своимъ огонькомъ марца-
ноуеи звездочекъ... <Золотъ
о К. Смирновѣ> въ. об.

А. Шестаков

Рисунки 1. Скульптурные изделия из камня. 1. 11-миллиметровый цилиндр из кварца, с вырезанным отверстием, и на нем вырезанный цилиндр, 2. 11-миллиметровый цилиндр из кварца, с вырезанным отверстием, и на нем вырезанный цилиндр, 3. 11-миллиметровый цилиндр из кварца, с вырезанным отверстием, и на нем вырезанный цилиндр, 4. 11-миллиметровый цилиндр из кварца, с вырезанным отверстием, и на нем вырезанный цилиндр.

Новый роман Вудингса «Врата» (перев. проф. С. Никитиной, издательство «Росман») посвящен жизни раскольников, людей старинных и в своем отношении к миру совершенно чуждых — к христианству. Книга старинного Лангтона, поэта-интеллектуала сбитая, обесчеловеченная и обделенная юным крестником на пути к жизни божьей, и обесчеловеченная сама интеллигентная